

Фима наконец догадался, в чем секрет бумажных квадратиков. Подробности он узнал позднее. Вот вкратце суть дела.

Несколько лет назад отец взял в аренду полуразрушенное помещение в деревне Кирцелово, около Павловска; там он установил ржавую, с трудом отремонтированную машину. Возникло предприятие, носившее длинное название: «Кирцеловская бумагоделательная фабрика в аренде Г. И. Эткинда» - такая шапка красовалась на официальных бланках. Мама с тремя сыновьями иногда жила там, в Кирцелове, в деревянном домике близ фабрики. Фима бывал там охотно. Самое интересное ожидало его, когда приезжали подводы, груженные макулатурой - сырьем для оберточной бумаги. Макулатуру сваливали в сарай, и Фима бросался рыться в наспех перевязанных кипах газет, журналов, папок с бумагами, а главное - книг. Каких только книг там не было! Из иностранных Фима, бегло читавший по-французски и по-немецки, выуживал сборники стихов, приключенческие романы, детские книжки с картинками. Среди переводных ему попала «Жизнь Иисуса» Ренана - он не отрываясь прочел ее и много позднее понял, что эту книгу вычистили из какой-то библиотеки по причине «божественности» заглавия.

Рыться в макулатурных книгах доставляло мальчику радость, которая была бы сильно омрачена, если бы он понимал, что состав макулатуры отражает одичание страны. Все это были конфискованные частные библиотеки - хозяева книг исчезли в подвалах ЧК, или уехали в эмиграцию, или умерли без наследников.

Существовал еще один источник: интеллигенцию уплотняли; прежний владелец просторной профессорской квартиры должен был со всей семьей уместиться в одной комнате - понятно, что от книг приходилось избавляться. В начале двадцатых годов ими топили железные печки, названные почему-то буржуйками, потом книги стали продавать - чаще всего на вес. В букинистических магазинах на Литейном проспекте висело объявление:

«Покупаем книги на вес». Для Фимы же тогдашняя печальная ситуация оказалась основой его образования. Прошли десятилетия; он приобрел не только отчество, но уже и пенсию, а несколько книг, выуженных из макулатуры, все еще стояли на его полках.

Фабрика выпускала регулярную продукцию - бурая бумажная лента, выползавшая из восстановленной машины, служила всему Ленинграду. Все были довольны: рабочие (их было человек восемь) получали зарплату, служащие (их было трое) справлялись со своими нехитрыми обязанностями, отец и дядя Моня работали без устали; они торжествовали. Ведь когда они арендовали кирцеловскую развалюху, знакомые, даже друзья смеялись над ними: зачем вам эти руины? Никакого толка из них не извлечешь. Теперь же знакомые заворачивали все свои покупки в кирцеловскую бумагу.

И вдруг - среди ясного неба разразился гром: власти обложили фабрику таким фантастическим налогом, что его и за десять лет не уплатить. Партия решила покончить с нэпом, и лучшим способом удушения были налоги. Отец еще на что-то надеялся; он рассуждал логично: бумага нужна, предприятие живое и доходное, разве в интересах советской власти закрыть фабрику? Но партия решила придушить нэп, логика тут была ни при чем; с классовым врагом, окопавшимся в деревне Кирцелово, следовало покончить. Тогда-то на Загородный, 24 и пришли агенты фининспектора, которые за неуплату налога описали мебель.

В ближайшее воскресенье в квартире с утра до вечера толпились чужие люди. Уплатив по цене, обозначенной на бумажном квадратике, они увозили шкафы, кровати, кресла. В ночь на понедельник родители спали на полу, Фима тоже; только для его младших братьев - Сане было четыре года, Марику два - оставались кроватки. Ели на сундуке, сидели на книжках. Детям было смешно, взрослые угрюмо молчали. Неделю спустя привезли новую мебель, и быт налачился - ненадолго. Вскоре все повторилось: пришли те же чужие дяди и опять налепили на шкафы и кресла бумажные

квадратики; в очередное воскресенье снова появились толпы покупателей. Три или даже четыре раза квартира подвергалась таким опустошающим нашествиям. Родители, переживавшие первый разгром драматически, по привычке к тому, что отец, теперь уже чуть ли не шутя, называл «военные действия фининспектора». К тому же несколько предметов, которые родителям были особенно дороги, постоянно возвращались: муж маминой сестры Николай Павлович Сапгир трижды покупал книжные шкафы и письменный стол, увозил их, а на другой день привозил обратно. Но с советской властью шутить было трудно: она повела против отца наступление по всем военным правилам. По ее наущению кирцеловские рабочие объявили забастовку, они больше не желали - как заявляли их уполномоченные в газете - подвергаться эксплуатации и требовали избавить их от нэпмана-кровопийцы. В городском суде начало слушаться дело предпринимателя такого-то: он не платил налоги и вдобавок богател «за счет пролетариата».

Однажды утром отец взял Фиму с собой; они сели в трамвай и поехали на Петроградскую сторону. «Попробуем снять квартиру», - сказал отец. Пришли на Песочную улицу, поднялись на второй этаж невзрачного трехэтажного дома. Дверь в квартиру была распахнута; да это была и не квартира вовсе, а пустой зал. Окна во двор были выбиты, из них открывался вид на склад железного лома; в полу зияли грязные дыры, потолка не было - над головой висела балка.

«Тебе нравится?» - спросил отец. Фима воспринял его вопрос как насмешку. «Вот это будет твоя комната», - сказал отец, показывая на крайнее слева окно. Зачем им такой сарай? Фима этого понять не мог, отец отшучивался.

Месяца через три семья переехала на Песочную. Самый переезд осуществился легко: мебели не было, ее в очередной раз описали и накануне продали. Книжки, кастрюли и чемоданы с одеждой - все поместилось на двух подводах. Барак на Песочной теперь выглядел иначе: прежний зал разделили

перегородками на несколько комнат, и Фиме действительно досталась та, которую посулил отец. Для книжек был сооружен шкаф, встроенный в стену; столик около окна поднимался и опускался. Фима осмотрел другие комнаты: в столовой высился буфет, составлявший часть перегородки. В родительской спальне кровать была вмонтирована в стену, на ночь она опускалась нажатием рычага. В кабинете Фима узнал книжные шкафы, которыми отец дорожил: они были, но в то же время их не было; дверцы красного дерева с бронзовыми украшениями закрывали проемы в перегородке. Во всей этой странной квартире с места на место передвигались только несколько простых стульев в столовой да табуретки на кухне.

Несколько недель прошли спокойно - семья привыкала к новому быту. Потом они появились опять - те же дяди, что налепляли бумажные квадратики на Загородном, 24. В недоумении они переходили из комнаты в комнату, задержались в кабинете - у дверец красного дерева, в столовой - у буфета, в Фиминой комнате - у книжного шкафа в стене, потом прошли на кухню. Мама предложила им чаю. Они уселись на табуретки и стали громко хохотать. «Перехитрил!» - проговорил один из них, поглядывая вокруг, - кухонные шкафы тоже были встроены в стену. «Перехитрил!» - повторял он, хохоча. Позднее Фима понял, что он хотел сказать: «Хитрый еврей!»

Послесловие (*Ефим Эткинд*)

В этой квартире со встроенной мебелью семья прожила много лет, с 1928 по 1942 год, когда отец - в блокаду - умер от голода, а мама с младшим сыном и дядей Монею уехала в эвакуацию, в Молотов, бывший и будущий город Пермь.

Что стало впоследствии с кирцеловской фабрикой? Это заслуживает краткого рассказа - он может представить общественный интерес.